

Воинова Е.Н.

кандидат филологических наук
заведующая кафедрой белорусского языка
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК» А.С. ПУШКИНА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

***Анотація.** У статті розглядаються літературні та мовні особливості перекладу поеми «Мідний вершник» А.С. Пушкіна класиком білоруської літератури Янкой Купалою, підкреслюється висока майстерність перекладача в адекватному відтворенні лексичної, синтаксичної і художньої систем засобами білоруської та російської мов руського поетичного тексту.*

***Ключові слова:** переклад, лексичний еквівалент, художній образ, адекватна передача образу, особливості перекладу ритму.*

***Voinova E.N. Features of Translations of Poem «The Bronze Horseman» by A.S. Pushkin in Belarusian language.** The article examines the literary and linguistic features of the translation of A.S. Pushkin's poem «The Bronze Horseman» by the classic of Belarusian literature Yanka Kupala, emphasizes the high skill of the translator in adequately reproducing the lexical, syntactic and artistic systems by means of the Belarusian and Russian languages of the Russian poetic text.*

***Key words:** translation, lexical equivalent, artistic image, features of rhythm and rhyme translation.*

Художественный перевод на многих этапах был своего рода стимулятором взаимодействия и взаимообогащения литератур. Прежде всего, что это относится к тесно связанным между собой славянским литературам – белорусской и русской. По мнению исследователя А.В. Фёдорова, «перевод всегда имеет дело с системой языковых средств, определенным образом отобранных и организованных в подлиннике и требующих отбора и организации средств того языка, на который подлинник переводится.

Практически задачей перевода являются поиски соотносительных и параллельных способов выражения содержания подлинника – из состава средств другого языка» [7, с. 25].

Художественный перевод значительно отличается от других видов перевода, поскольку, помимо передачи содержания исходного текста, предполагает творческое преобразование исходного текста в соответствии с экспрессивными возможностями переводящего языка, а также с его литературными нормами. Усложняет задачу переводчика то, что «художественный перевод, в отличие от других видов перевода, всегда обусловлен необходимостью передать такой компонент сообщения, как информация о структуре речевого произведения» [2, с. 174].

Несмотря на значительные достижения в вопросах теории и практики перевода, малоразработанным остается лингвистический, языковой аспект художественного перевода. В своем исследовании мы хотели бы обратиться к анализу некоторых языковых особенностей перевода Янкой Купалой поэмы «Медный всадник» классика русской литературы А.С. Пушкина на белорусский язык, поскольку страницы взаимосвязей белорусской и русской литератур через художественный перевод и взаимоперевод во многом начались с осмысления творчества А.С. Пушкина. Белорусские писатели хорошо чувствовали, что перевести основателя новой русской литературы – значит не только сохранить смысл оригинала, но и особенности его художественной специфики, органично совместить верность передаче пушкинского текста с воссозданием его художественной формы в белорусском варианте. На начальном этапе становления школы национального перевода такая задача была сложной.

Очевидно, что воспроизведение русского поэта не сковывало творческой инициативы Купалы-переводчика, не сдерживало его поисков. Несмотря на то, что белорусский автор, экспериментируя, искал свой оригинальный подход к переводу. Он иногда, правда, что-то теряет по сравнению с оригиналом, зато добивается выработки своей личной системы в переводческой деятельности. Постепенно эта тенденция в творческой практике белорусского писателя усиливается и приобретает отличительные и завершенные формы.

Синтаксическое строение поэмы «Медный всадник» А.С. Пушкина очень богатое: в нем используются различные типы предложений – простые, односоставные, сложные, сложные синтаксические конструкции. Переводчик достаточно часто адекватно воссоздает определенную синтаксическую конструкцию. Так, простое предложение он переводит простым: *Он страшился, бедный, не за себя* [4, с. 261]. – *Ён баяўся, бедны, не за сябе* [3, с. 359], складаназалежны – адпаведнай канструкцыяй: *Бежит туда, где ждет его судьба с неведомым известьем, как с запечатанным письмом* [4, с. 263]. – *Бяжыць туды, дзе яго ждзэ з неведамаю доля весцю, як з запячатаным пісьмом* [3, с. 361]. Необходимо сразу же отметить, что простые предложения употребляются гораздо реже по сравнению со сложными, что можно объяснить своеобразной интонацией пушкинского произведения.

Однако больший интерес представляют случаи неадекватной передачи синтаксических конструкций. Замена – наиболее распространенный тип переводческих трансформаций. Заменяться могут как грамматические единицы (формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксической связи), так и лексические. «Замена в предложении обычно вызывается отсутствием той или иной конструкции в языке перевода, несовпадением в применении конструкций, а также неодинаковым словоупотреблением, различной сочетаемостью слов», – указывает М. С. Ржавуцкая [5, с. 11].

Так, Я. Купала в значительном количестве случаев простое предложение на языке оригинала передает сложным. Чаще всего такие отклонения наблюдаются в простых предложениях, осложненных обособленными определениями, причастными и деепричастными оборотами, которые, как известно, используются в белорусском языке ограничено: *На берегу пустынных вод стоял он, дум великих полн, и вдаль глядел* [4, с. 255] – *На беразе пустынных вод стаяў ён, буйных дум палёт лунаў у даль* [3, с. 352]; *И лес, неведомый лучам в тумане спрятанного солнца, кругом шумел* [4, с. 255] – *І лес, які не знаў у вяках туманам схованага сонца, вакол шумеў* [3, с. 352]; *Теснился кучами народ, любуясь брызгами, горами* [4, с. 255] – *Стаяў гурмой народ, каб лубавацца і гарамі, і пенай* [3, с. 357]. Но не во всех случаях Я. Купала заменяет деепричастные обороты сложноподчиненным предложением

или опускает их, иной раз он сохраняет деепричастную конструкцию или вводит сравнение: *Он не слышал, как поднимался жадный вал, ему подошвы подмывая* [4, с. 261] – *Їн ані дбаў, як падымаўся хцівы вал і падмываў яму падэшвы* [3, с. 359]; *Как ветер, буйно завывая, с него и шляпу вдруг сорвал* [4, с.261] – *Як вецер выў, бы ашалеўшы, з яго і шапку ўміг сарваў* [3, с. 359]; *Мрачный вал плескал на пристань, рошица пени и бьясь об гладкие ступени..* [4, с. 265] – *Вал пляскаў на прыстань глуха, з нецярпеннем і біўся ў гладкія ступені..* [3, с. 364]. Встречается и обратная трансформация – сложное предложение в языке оригинала передается переводчиком простым: *Прошло сто лет, и юный град .. вознёсся пышно, горделиво* [4, с. 255] – *Г горад после сотні год .. узнёсся пышна, гардаліва* [3, с. 352]; *На берегу пустынных вод стоял он, дум великих полн, и вдаль глядел* [4, с. 255] – *На беразе пустынных вод стаяў ён, буйных дум палёт лунаў у даль* [3, с. 352]. Такие перестройки синтаксической конструкции можно объяснить требованиями сохранения рифмы и интонации.

Встречаются случаи неадекватной замены синтаксической конструкции и при передаче односоставных предложений. Так, при переводе двухсоставное предложение в пушкинском произведении передается Я. Купалой односоставным. Чаще всего такие случаи связаны с пропуском личного местоимения, что помогает переводчику сосредоточить внимание именно на действии: *Шепнул он, злобно задрожав* [4, с. 266] – *Шапнуў са злобаю лютой* [3, с. 365]; *Когда я в комнате моей пишу, читаю без лампы* [4, с. 256] – *Калі ў пакоі сярод кніг пішу, чытаю без лампы* [3, с. 354].

Что касается перевода главных и второстепенных членов предложения, то больше всего случаев неадекватной передачи замечается при передаче сказуемых и обстоятельств. Так, именно сказуемое Я. Купала трансформирует в глагольное, что несколько меняет смысл выражения: *Светла Адмиралтейская игла* [4, с. 256] – *Блішчыць Адміралцейскі ў высях шпіц* [3, с. 354]; *Об ней свежо воспоминанье.* [4, с. 258] – *Жыве аб ёй успамінанне.* [3, с. 355]; *ясны спящие громады пустынных улиц* [4, с. 256] – *гляджу на сонныя грамады пустынных вуліц* [3, с. 354]; *весь день бродил пешком* [4, с. 265] – *бродзіў пехатой* [3, с. 363].

Переводчик иной раз пользуется приемом добавления, т.е. вводит в предложение новые компоненты, что приводит к расширению структуры предложения, а также к семантическим изменениям: *Ни о забытой старине* [4, с. 259] – *ні на даўно забытых днях* [3, с. 356]; *Природой здесь нам суждено* [4, с. 255] – *Прыродай суджана даўно* [3, с. 353]; *Ныне там по оживлённым берегам* [4, с. 255] – *Там цяпер на берагах* [3, с. 353]; *Дышал ноябрь осенним хладом* [4, с. 258] – *Стаяла восень лістападам* [3, с. 353]. Введение добавлений объясняется расхождением в лексических системах языка, необходимостью уточнения для носителя языка перевода реалий, названных в переводе, несопадением определенных формообразующих моделей оригинала и перевода, а также они могут быть вызваны предыдущими трансформациями-заменами, а чаще требованиями сохранения ритма и строфы оригинала, как это и происходит в переводе «Медного всадника». Отсутствие в переводе конструкции ‘*дышал ноябрь осенним хладом*’ определения связано с проблемой передачи на белорусский язык старославянизмов, которые не очень широко представлены в современном языке и заимствованы в основном через русский (глава, истина, Союз, благодие, благословлять, благословения, словесный и т.д.).

Как видим, они почти стилистически нейтральны, широко применяются во всех стилях языка. По точному замечанию М. Г. Булахова, “наличие старославянизмов в белорусском языке ограничивается невозможностью подчинить звуковую, морфологическую и словообразовательную форму чужого слова национальной специфике” [1, с. 10]. Поэтому Я. Купала, не подобрадекватной замены, просто опустил слово. Отступить от буквы оригинала заставляет ритмико-интонационное строение оригинала, а также тогдашнее состояние белорусского языка.

Нужно отметить, что случаи замены синтаксических конструкций, включающие книжные формы, не так уж часты, в целом переводчик адекватно передает формальные особенности произведения, что иной раз приводит к буквальному переводу. Так, в переводе можно найти русизмы, слова и формы, не свойственные белорусскому языку: *он остановился* [4, с. 263] – *ён астанавіўся* [3, с. 361]; *где ждет его судьба с неведомым известьем, как с*

запечатанним письмом [4, с. 263] – *дзе яго ждзэ з неведамаю доля весію, як з запячатым пісьмом* [3, с. 361]; *народ зрыт божыі гнев* [4, с. 261] – *гнеў божы бача* [3, с. 358]; *прояснілісь мыслі* [4, с. 266] – *праяснелі мыслі* [3, с. 364]; *прошло сто лет, и юный град* [4, с. 255] – *І горад пасле сотні год* [3, с. 352]; *погода не унімалась* [4, с. 266] – *пагода не заціхала* [3, с. 357]. Но книжнославянскую лексику, в первую очередь старославянские формы, Я. Купала довольно удачно передал средствами белорусского языка: *и юный град* [4, с. 255] – *і горад* [3, с. 352]; *полночных стран* [4, с. 255] – *краін паўночных* [3, с. 352]; *из топи блат* [4, с. 255] – *з дрыгвы балот* [3, с. 352]; *Чело к решётке хладной прилегло* [4, с. 266] – *Чало да крат халодных прылягло* [3, с. 352]; *И взоры дикие навёл на лик державца полумира* [4, с. 266] – *І вочы дзікія навёў ён на дзяржаўца палусвета* [3, с. 352].

Как видно, собственно старославянскую лексику, употребленную в общем, нейтральном смысле, Я. Купала обычно заменяет на стилистически нейтральные белорусские аналоги: град – город; хладный – синий; очи – глаза, спящие – сонные и т.д. В некоторых случаях такая замена не сказывается на общем ритмико-интонационном звучании произведения, однако иной раз отчетливо замечается стилистическая сниженность купаловского перевода по сравнению с пушкинским произведением: *погода пуце свирепела* [4, с. 260] – *пагода йшчэ больш вар'яцела* [3, с. 357]; *мрачный вал плескал на пристань, рошица пени и бьясь о гладкие ступени* [4, с. 265] – *вал пляскаў на прыстань глуха, з нецяпреннем і біўся ў гладкія ступені* [3, с. 364]; *его смятенный ум не устоял* [4, с. 264] – *не ўстаяў розум* [3, с. 363]; *ему не внемлющих судей* [4, с. 265] – *нячулых да яго судзей* [3, с. 365].

Перевод поэтического произведения А.С. Пушкина на белорусский язык Я. Купалой подтверждают, что «каждый высокоразвитый язык является средством достаточно могущественным для того, чтобы передать содержание, выраженное на другом языке в его единстве с формой. При этом стилистические средства языка, на который делается перевод, служат не для копирования формальных особенностей языка оригинала, а для передачи стилистических функций, выполняемых элементами подлинника – часто при всей их формальной разности» [6, с. 192–193].

Література

1. Булахов М.Г. Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков. М., 1979. 40 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 2004. 174 с.
3. Купала Я. Поўны збор твораў: у 9 т. Т. 5. Вершы, пераклады 1904-1907. Мінск, 1995.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1975. Т. 3.
5. Ржавуцкая М.С. Пераклад сінтаксічных канструкцый з беларускай мовы на рускую (на матэрыяле твораў Івана Мележа): аўтарэфрат дысертацыі на атрыманне вучонай ступені кандыдата філалагічных навук. Мінск, 2000.
6. Рыльский М.Ф. Искусство перевода: статьи, заметки, письма. М., 1985. 334 с.
7. Фёдоров А. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПбГУ: Филология Три, 2002. 416 с.

Дубровская Д.О.

*преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций
и международного туризма
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины*

**СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. БЫКОВА**

Аннотация. На материале компаративных фразеологизмов, выделенных во фразеологическом поле языка произведений мастера белорусского слова Василия Быкова, проведён анализ их использования как своеобразного пласта образных средств языка писателя, выявлены особенности авторского употребления, являющиеся показателем индивидуальности стиля писателя.

Ключевые слова: фразеологизм, компаратив, образ, модификация, эталон, стереотип, вариативность, синонимия.